

ВИКТОР ПАНЬКО

ИСПОВЕДЬ

ЭКСТРАСЕНСА

Виктор Панько
Исповедь экстрасенса

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Панько В. Д.

Исповедь экстрасенса / В. Д. Панько — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Предлагаемые читателю мемуары члена Союза писателей Молдовы имени А. С. Пушкина, члена Российского Союза писателей Виктора Дмитриевича Панько содержат воспоминания о личной практике автора в области парапсихологии, экстрасенсорики. Книга адресована психологам, психотерапевтам, педагогам, лингвистам, широкому кругу читателей, интересующихся возможностями и способностями человека.

© Панько В. Д., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	5
ИЗ МОЕЙ РОДОСЛОВНОЙ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

За 73 года моей жизни произошло в ней немало событий, заслуживающих внимания. Я работал учителем физики и математики, служил в армии. Окончил филологический факультет педагогического института. Преподавал русский язык и украинский фольклор в университете. Был научным сотрудником Академии наук, открыл не известный ранее в славяноведении жанр песенного творчества. Был много лет журналистом, редактором газеты и удостоен Премии Союза журналистов Республики Молдова. Издал более десятка книг (исследования и статьи по фольклору, краеведению, сборники стихов и прозы). Был номинирован на ряд литературных премий. И всё же...

... И всё же некоторые важные для меня моменты оставались вне поля зрения и читателей, и, как ни странно, – моего собственного осмысления.

Как объяснить достоверные пережитые мною факты, имеющие отношение к той сфере парапсихологии, которую теперь называют экстрасенсорикой?

Как объяснить некоторые важнейшие для меня удачные совпадения и встречи?

Почему я стал профессиональным экстрасенсом, и почему я отказался от этой практики, хотя мог бы её небезуспешно продолжать?

На эти и некоторые другие вопросы я попытаюсь ответить в этой книге, которую я вначале назвал «Блуждание на грани чуда». Потом уточнил: «Исповедь экстрасенса».

Хочу предупредить читателя, что к самому факту «чуда» у меня, в силу полученного воспитания и сформировавшегося мировоззрения, отношение – материалистическое. То, что сегодня воспринимается как «чудо», завтра будет нами понятым и объяснимым.

Но для этого нужны накопления фактов, их научное осмысление, творческий поиск и стремление проникнуть в тайны природы и психологии человека.

Ну, что же! Давайте приступим!

Виктор ПАНЬКО

14 февраля 2018 года

Село Дану,

Республика Молдова

ИЗ МОЕЙ РОДОСЛОВНОЙ

Записи «Исповедной Росписи данной из Кишиневской духовной Консistorии в Троицкую церковь села Данула 3–го округа Бельцкого уезда на 1898 год», произведенные священником Александром Павловичем Хереско и псаломщиком Василием Ильичом Курмеем, свидетельствуют о том, что в 1898 году в Дануле проживало несколько глав семейств, носивших фамилию Ротарь и отчество Фёдорович.

Это дает нам основания предположить, что все они были братьями. Василию Федоровичу в 1899 году было 61, Георгию Фёдоровичу – 49, Димитрию Фёдоровичу – 67, Евфимию Фёдоровичу – 60, Николаю Фёдоровичу – 52 года.

Отчество и год рождения моего прапрадеда по материнской линии Фёдора Ротаря мне пока неизвестны.

У моего прадеда, Георгия Фёдоровича Ротаря, родившегося в 1850 году, и его жены Марии Стефановны были дети: Параскева, Фёдор, Михаил и Агафия. Михаил Георгиевич Ротарь, мой дед, родился в 1885 году. Его жена, Мария Еремеевна, которую мы называли «бабка Мариоара», была на год моложе. У них было одиннадцать детей. Александр, Евгения, Алексей, Иван, Евдокия (моя мама, 1921 года рождения) – выжили. А Елизавета, Василиса, Маня, Семен, Василий и Нина умерли в разные годы в детском возрасте.

Моя мама, Евдокия Михайловна Ротарь и мой отец, Дмитрий Иванович Панько, поженились в январе военного 1944 года, а я родился 15 сентября того же года.

Бабка Мариоара родилась в селе Каменка Глодянской волости в семье Еремии и Аргирь Богдан, людей в 19-ом веке считавшихся состоятельными. Они владели землей, а моя прабабушка Аргира была в Каменке «моаша» – повивальная бабка, костоправ. Она также знала травы, заговоры и другие секреты народной медицины, многие из которых были переняты её дочерьми Катинкой, Еленой (Олей) и Мариоарой.

Из этих трех сестер Катинка вышла замуж в село Брынзень и получила фамилию мужа Карауш, а Мариоара и Елена в селе Данул поженились – Елена с Максимом Урсу и Мариоара – с Михаилом Ротарем.

У Мариоары, как я уже упоминал, было много детей, а у Елены с Максимом детей не было, и они взяли на воспитание сироту по имени Татьяна (Нуца), которая впоследствии вышла замуж за Илью Баланюка, и на старость дед Максим и баба Оля остались одни, к тому же дед ослеп.

Посоветовавшись, эти две семьи приняли решение о том, что моя мама Дуня и мой отец Дмитрий будут жить в семье Максима Урсу «на грунте», то есть будут ухаживать за стариками и получат у них наследство.

Так оно и произошло, но война внесла свои поправки в планы этих семей. Тяжести 1944-1945 годов, голодовки и первых лет формирования колхозов легли на плечи одной моей мамы, так как отец был призван в армию и отправлен на Урал на Саткинский металлургический завод Челябинской области, где работал в горячих цехах не только в годы войны, но и несколько лет после её окончания. Там он женился на Анне Васильевне Болкутовой. Впоследствии они приехали и проживали в селе Данул.

Моя родословная по отцовской линии восходит к Дмитрию Фёдоровичу Панько, родившемуся в 1843 году и его жене Анне Ивановне.

Их сын, мой прадед, Илья Дмитриевич Панько, родился в 1874 году. У них с женой Александрой Тимофеевной («баба Санда») были дети Елисавета, Иван (мой дед), Николай, Евдокия, Александр, Георгий Ильичи.

У Ивана Ильича Панько, 1900 года рождения, с женой Любовью Николаевной Урсу были дети: Дмитрий, Василий, Петр и Мария, а у моего отца, Дмитрия Ивановича, единственным ребенком явился я – Панько Виктор Дмитриевич.

Ближайшие мои родственники:

По отцовской линии:

Панько Васильевичи: Любовь (Шершнева), Виктор и Маргарита (Поворознюк).

Панько Петровичи: Любовь (Маевская), Павел, Пётр.

От Марии Ивановны Панько: Чебан Василий Федорович и Романюк Виктор Иванович.

По материнской линии:

От Александра Михайловича Ротаря – Эмилия Александровна и Мария Александровна.

От Ивана Михайловича – Анна Ивановна (Котелевич) и Петр Иванович Ротарь.

От Евгении Михайловны Дьяковой – Агафья Андреевна и Нина Андреевна Дьяковы.

Среди моих родственников немало известных людей. Николай Ильич Панько, Евдокия Ильинична Романюк, Арсений Николаевич Панько были председателями Данульского сельского Совета. Петр Иванович и Георгий Ильич Панько известны как талантливые музыканты и руководители оркестров. Павел Николаевич Панько был директором Глодянской средней школы номер два, заведующим Рышканским районным отделом народного образования, начальником Управления школ Министерства народного образования республики, заместителем директора научно-исследовательского института Педагогики, преподавал математику в Кишиневском университете.

Алексей Михайлович Ротарь был лесником в Радоае района Сынжерей, подвергся репрессиям, отбыл десять лет в лагерях Карагандинской области, впоследствии реабилитирован. Талантливыми музыкантами проявили себя Евгений Георгиевич Панько и Виктор Иванович Романюк, врачом – Любовь Петровна Маевская.

Многих из них нет в живых, их имена занесены в поминальные книжечки в разделе «Об упокоении». Каждый из них прожил отведенное ему время, каждый, так или иначе, воздействовал на окружающую его жизнь и оставил о себе какую-нибудь память. И разве не наша обязанность – сохранить её как можно дольше в наших сердцах?

Деда Михаила Георгиевича Ротаря (его называли «дед Михайло») я не помню. По рассказам матери он был человеком добрым, общительным, справедливым и веселым. Несмотря на многочисленность семейства, воспитание детей никогда не основывалось на криках, спорах и высоких тонах, а держалось на понятиях совести, честности, уважения к старшим. Дети почти до совершеннолетия ходили в домотканой одежде. Старшие воспитывали младших и помогали родителям по хозяйству. Дети любили и уважали деда Михайла и называли его «Татуня».

Он тоже любил детей. Моей маме было уже лет 16-17, когда дед Михайло решил повести её в кино, показать ей, что такое кино. Кинотеатр был далеко, в Бельцах, за 35 километров, поэтому поехали туда на повозке (каруце).

Эта поездка запомнилась матери на всю жизнь. Редко кому из сельских жителей доводилось тогда побывать в кинотеатре. К тому же, когда сеанс окончился, и все стали выходить

из зала, мама потеряла деда Михайла из виду, страшно испугалась и закричала во весь голос: «Татуня-я! Татунько-о!».

Дед Михайло оставил о себе добрую память. У меня сохранилась и фотография времен его армейской службы. Тогда обычно фотографировались втроем. Я его узнаю по веселому взгляду и какой-то особой выправке. Такая фотография есть и у моей двоюродной сестры Нины Андреевны Дьяковой.

Бабку Мариоару я помню с самого раннего возраста. Во время страшной голодовки 1947 года мне было три года, и она ежедневно приносила специально для меня по две маленьких картофелинки. Потом, будучи уже грамотным и взрослым, я нередко вспоминал об этом факте с большой благодарностью. Я был тогда единственный мальчик в её третьем поколении, и она пыталась, как могла, сохранить мне жизнь, может быть, для продолжения рода, а скорее всего – совсем не думая об этом, а по свойственной ей душевной доброте. Я часто бывал в ее маленькой хате, крытой камышом, она всегда приглашала меня поесть что-нибудь, я, следуя маминым наставлениям, некоторое время для формы отказывался, пока приглашение не повторялось несколько раз, и только потом садился за стол. Так продолжалось до 1961 года, пока я не поступил в институт и не перешел на студенческие хлеба. Приеду на воскресенье домой, зайду к бабушке Мариоаре. Она не успевает произнести имя «Витя», а я уже за столом, и ложка в руках...

НА СНИМКЕ: справа – Михаил Георгиевич Ротарь

В 1961 году, еще до института, я учился в десятом классе, как-то раз попросила меня бабка Мариоара вскопать ей в огороде участочек земли. Для меня это был пустяк, даже не

заслуживающий внимания. И дело не в том, что я делал на турнике подъем переворотом, склепку и подтягивался 12 раз, а в том, что копать мне нравилось. Я с удовольствием копал в огороде дома и не уставал, потому что с одинаковым успехом копал и как правша, и как левша. Оставалось только менять позиции штыковой лопаты – «роскаля». С заданием я справился шутя, насвистывая какой-то военный марш. Пришел доложить бабке о выполнении «приказа». А она предлагает мне посидеть немного. Достает откуда-то новую «десятку» (тогда только что поменялись деньги, и десять рублей была приличная сумма) и дает её мне. За копку. Я встал, ошарашенный: «Бабка Мариоара, бабка Мариоара, зачем Вы это делаете? Не нужно мне давать денег, разве они у Вас лишние? Не возьму я их!...».

Таки настояла на своем....

Через много лет понял я, что предложение вскопать огород тогда было для неё лишь предлогом, возможностью подарить мне немного денег...

Телеграмму об её смерти я получил в перерыве между парами в институте, когда учился на физмате в Бельцах.

От неё ни у кого из наших родственников не сохранилось ни одной фотографии. Фотографировались как-то раз группой, предлагали ей стать со всеми, да она уперлась, не захотела.

А мне она запомнилась почему-то складывающей у себя на коленях табачные листья в стопки – папушки, которые потом завязывались в тюки.

Сухой табачный лист в гаванках (гаванка состоит из пяти ниток с нанизанных на них табачным листом, называемых «шварами») привозили в бабкин огород. Его заносили в сарай, а потом, долгими вечерами, разглаживали на коленях каждый листочек и тюковали. В комнате стояла пыль, и всюду проникал запах табака. Руки у неё были морщинистые, а глаза – усталые...

Деда Максима Урсу я помню смутно. В моей памяти сохранились два эпизода из моего раннего детства, связанных с дедом Максимом. Как я уже упоминал, он 18 последних лет своей жизни был слепым и нуждался в особом внимании и уходе окружающих. Во время голодовки и после неё мы жили вчетвером: дед Максим с бабой Олей, моя мама Дуня и я.

Мама все время была на работе в поле, а я оставался с двумя стариками дома.

Баба Оля тоже была занята работой в огороде, и я оставался со слепым дедом Максимом.

Дед укладывал меня на обед спать в выдолбленное из ствола большого липового дерева корыто (оно и теперь у меня сохранилось) и укачивал, напевая: «Лю-лю, лю-лю, паци ша, де кобыла, там лоша» или что-то в этом роде.

Мне не всегда хотелось спать в обед, и однажды я незаметно для деда выскользнул из корыта и пустился путешествовать в сторону бабки Мариоары дома. Ничего не подозревающий дед Максим укачивал пустое корыто, пока не пришла баба Оля и не бросилась на поиски.

Другое отчетливое воспоминание связано с тем, что я водил деда за дом для отправления большой естественной надобности, и мы с ним оставляли там два следа: он – покрупнее, я – помельче.

А вообще дед Максим в течение своей жизни в селе Данул и окружающих селах пользовался большим уважением и авторитетом. При царе Николае он был то ли волостным, то ли уездным заседателем и в его ведении находились несколько сел, в том числе Данул, Каменка, Мэлэешть, Гэлэшень и некоторые другие.

У них с бабой Олей детей не было, но зато было множество крестных – «финов», так как они без конца и края то венчали, то крестили. Поэтому его дом всегда был полон разного рода родственниками, и он всегда был рад им.

По служебным делам ему часто приходилось ездить в соседние сёла, и с этим был связан и один анекдотичный случай, о котором потом долго вспоминали.

Однажды баба Оля напросилась в попутчицы во время его поездки по заседательским делам в Каменку. Дед её взял. Поехали. Заехали в село, а через некоторое время кобыла у какого-то колодца – стоп, и – ни с места!

Дед слез набирать воды, а баба в это время поинтересовалась, кто живет рядом. Оказалось – какая-то вдовушка. «Ага, вот почему кобыла тут останавливается!» – подумала баба Оля и закатила деду Максиму сцену ревности. Дед говорил о колодце, баба – о вдове. Насилу помирились. А в целом, по воспоминаниям старожилков, жили они дружно.

У меня сохранилась фотография деда Максима тоже со времен армейской службы. Рядом с ним односельчанин Тома Романюк и один сослуживец из Каменки по фамилии Фусу, как я припоминаю.

Умер дед Максим Урсу в 1948 году, когда мне было четыре года.

Баба Оля, его жена, писалась Елена Еремеевна. Эти имена, Ольга и Елена, нередко носила одна и та же женщина. Как я узнал много лет спустя, объясняется это тем, что когда-то это было одно и то же имя – Олена, откуда появилась и Оля, и Елена.

Баба Оля была, несмотря на свою неграмотность (все поголовно были тогда неграмотными) – женщиной выдающейся в её окружении в селе Данул по двум причинам.

Во-первых, она умела лечить, и, во-вторых – она умела петь. Навыки лечения она усвоила от своей матери Аргиры Богдан, которая, как я уже упоминал, была повитухой в Каменке, а по тембру, чистоте и звонкости голоса ей не было равных среди её подруг, поэтому они могли сравнивать ее только с Тамарой Чебан, я это не раз от них слышал. Имя Тамары Чебан в послевоенные годы, благодаря радиопередачам, было знакомо каждому.

Баба Оля знала травы, заговоры, лечила пиявками, муравьиным спиртом, сама изготавливала мази, а, бывало, и вправляла кости. Достоинно глубокого сожаления то, что с нею ушло в небытие множество рецептов народной медицины, с успехом применявшихся на протяжении столетий.

Мне удалось со слов матери и тети Маруси записать лишь малую толику этих сведений и опубликовать их в книге «Заговоры Севера Молдовы».

Она же знала намного больше.

Рассказывали, что ей приходилось изготавливать лекарство от костоеда.

В глиняной посуде кипятили на огне водку или самогон с какой-то травой (что за трава мне выяснить так до сих пор и не удалось). Продолжалось это всю ночь. Когда лекарство было готово, его давали больному пить по каплям. Оно было настолько сильным, что червь – костоед, пробивая кожу, оставлял кость и выходил наружу, в результате чего больной вылечивался. Сколько тут правды, а сколько – выдумки сегодня трудно сказать, но я склонен считать всё это правдой. Потому что своими глазами видел обезображенных язвами грудных детей, которых приносили мамы в 1952-54 годах к нам домой к бабе Оле и через неделю-две приходили в наш дом радостные и веселые. Потому что дети выздоравливали.

Пела она, как тогда было принято, на свадьбах, крестинах, на посиделках и других подобных случаях, обычно молдавские народные песни. Среди этих песен мне запомнились упоминания о Титанике и о Плевне.

Она прожила больше полувека в украинском селе Данул, но, не имея склонности к языкам, не говорила по-украински, а только по-молдавски.

Я ей очень благодарен за то, что она научила меня молдавскому языку, на котором я разговаривал до пятилетнего возраста, который понимаю до многих тонкостей, в результате чего могу свободно переводить с молдавского на русский. До сих пор чувствую себя виноватым перед нею за то, что не всегда был послушным, а нередко доставлял ей неприятные моменты.

Раннее детство я провел больше с нею, а, как я теперь понимаю, я был далеко не ангел.

Баба Оля водила меня с собой на похороны и поминки, так как мама всегда была на работе в колхозе, а оставить меня было не с кем. Насмотрелся я тогда на плач и горе, потому что стали помирать её ровесницы и подруги почти каждую неделю, а у неё – полное село крестных, она идёт и меня с собой берёт. Все плачут, она плачет, и я плачу....

А однажды приходим с похорон домой, а я по малолетству и по глупости спрашиваю её: «Баба Оля, а твоя очередь умирать – когда?».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.